

Александр Герцен

ПИСЬМА О ПРИРОДЕ
И НАУКЕ

Москва
T8RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г41

Герцен, А.

Г41 Письма о природе и науке / А. Герцен. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 438 с.

ISBN 978-5-521-76561-4

Александр Иванович Герцен (1812–1870) — публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

В данной книге представлены две известные работы автора: «Письма об изучении природы» и «Дилетантизм в науке», отразившие философские взгляды Герцена и внесшие весомый вклад в развитие материалистической философии. По словам самого автора, философия является процессом «углубления в себя природы и развитие полного сознания космоса о себе», однако, исключая из предмета философии понятие Бога, Герцен определяет началом научной философии реальную природу, основой науки — мир фактический, а науку, опирающуюся не на природу и не на факты, — наукой дилетантов.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76561-4

© Т8RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ

Статья первая.....	7
Статья вторая. Дилетанты-романтики	30
Статья третья. Дилетанты и цех ученых	56
Статья четвертая. Буддизм в науке.....	86

ПИСЬМА ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ

Письмо первое. Эмпирия и идеализм	123
Письмо второе. Наука и природа, — феноменология мышления.....	168
Письмо третье. Греческая философия	194
Письмо четвертое. Последняя эпоха древней науки	260
Письмо пятое. Схоластика	302
Письмо шестое. Декарт и Бэкон.....	336
Письмо седьмое. Бэкон и его школа в Англии.....	354
Письмо восьмое. Реализм	404

ДИЛЕТАНТИЗМ В НАУКЕ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Мы живем на рубеже двух миров — оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее мирозерцание потрясены — но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листья, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу. Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих. Другие механически спутали долю того и другого и погрузились в печальные сумерки. Люди внешние предаются в таком случае ежедневной суете; люди созерцательные — страдают: во что бы ни стало ищут примирения, потому что с внутренним раздором, без краеугольного камня нравственному бытию человек не может жить. Между тем всеобщее примирение в сфере мышления провозгласилось миру наукой. И жаждавшие примирения раздвоились: *одни* не верят науке, не хотят ею заняться, не хотят обследовать, почему она так говорит, не хотят идти ее трудным путем; «наболевшие души наши, — говорят они, — требуют утешений, а наука на горячие, просьбы о хлебе подает камни, на вопль и стон растерзанного сердца, на его плач, молящий об участии, — предлагает холодный разум и общие формулы; в логической неприступности своей она равно не удовлетворяет ни практических людей, ни мистиков. Она намеренно говорит языком неудобопонятным, чтоб за лесом схоластики скрыть сухость основных мыслей — elle n'a pas

d'entrailles»¹. *Другие*, совсем напротив, нашли внешнее примирение и ответ всему каким-то незаконным процессом, усваивая себе букву науки и не касаясь до живого духа ее. Они до того поверхностны, что им кажется все ужасно легким, на всякий вопрос они знают разрешение; когда слушаешь их, то кажется, что науке больше ничего не осталось делать. У них свой алькоран, они верят в него и цитируют места, как последнее доказательство. Эти мухаммедане в науке чрезвычайно вредят ее успехам. Генрих IV говаривал: «Лишь бы провидение меня защитило от друзей, а с врагами я сам справлюсь»; такие друзья науки, смешиваемые с самой наукой, оправдывают ненависть врагов ее, — и наука остается в малом числе избранных.

Но хотя бы она была в одном человеке, она — факт, великое событие не в возможности, а в действительности; отрицать событие нельзя. Такого рода факты никогда не совершаются не в свое время; время для науки настало, она достигла до истинного понятия своего; духу человеческому искусившемуся на всех ступенях лестницы самопознания, начала раскрываться истина в стройном наукообразном организме и притом в живом организме. За будущность науки нечего бояться. Но жаль поколения, которое, имея, если не совершенное освещение дня, то, наверное, утреннюю зарю, — страдает во тьме или тешится пустяками, оттого что стоит спиною к востоку. За что изъяты стремящиеся от блага обоих миров: прошедшего, умершего, вызыва-

¹ У нее нет души (*франц.*).

емого ими иногда, но являющегося в саване, и настоящего, для них не родившегося?

Масса́ми философия теперь принята быть не может. Философия *как наука* предполагает известную степень развития самомышления, без которого нельзя подняться в ее сферу. Массам вовсе недоступны бестелесные умозрения; ими принимается имеющее плоть. А для того, чтоб перейти во всеобщее сознание, потеряв свой искусственный язык, и сделаться достоянием площади и семьи, живоначалным источником действия и воззрения всех и каждого, — она слишком юна, она не могла еще иметь такого развития в жизни, ей много дела дома, в сфере абстрактной; кроме философов-мухаммедан, никто не думает, что в науке все совершено, несмотря ни на выработанность формы, ни на полноту развертывающегося в ней содержания, ни на диалектическую методу, ясную и прозрачную для самой себя. Но если массам недоступна наука, то до них не дошли и страдания душного состояния пустоты и натянутого беснующегося пиетизма. Массы не вне истины; они знают ее божественным откровением. В несчастном и безотрадном положении находятся люди, попавшие в промежуток между *естественною* простотою масс и *разумной* простотою науки.

На первый случай да будет позволено нам не разрушать на некоторое время спокойствия и квиетизма, в котором почивают формалисты, и заняться исключительно врагами современной науки, — их мы понимаем под общим именем дилетантов и романтиков. Формалисты не страдают, а эти больны — им жить тошно.

Врагов собственно наука в Европе не имеет, разве за исключением каких-нибудь каст, доживающих в бессмыслии свой век, да и те так нелепы, что с ними никто не говорит. Дилетанты вообще тоже друзья науки, *nos amis les ennemis*¹, как говорит Беранже, но неприятели современному состоянию ее. Все они чувствуют потребность пофилософствовать, но пофилософствовать между прочим, легко и приятно, в известных границах; сюда принадлежат нежные мечтательные души, оскорбленные положительностью нашего века; они, жаждавшие везде осуществления своих милых, но несбыточных фантазий, не находят их и в науке, отворачиваются от нее и, сосредоточенные в тесных сферах личных упований и надежд, бесплодно выдыхаются в какую-то туманную даль. И, с другой стороны, сюда принадлежат истые поклонники позитивизма, потерявшие дух за подробностями и упорно остающиеся при рассудочных теориях и аналитических трупоразъятиях. Наконец, толпа этого направления составляется из людей, вышедших из детского возраста и вообразивших, что наука легка (в их смысле), что стоит захотеть знать — и узнаешь, а между тем наука им не далась, за это они и рассердились на нее; они не вынесли с собою ни укрепленных дарований, ни постоянного труда, ни желания чем бы то ни было пожертвовать для истины. Они попробовали плод древа познания и грустно поведали о кислоте и гнилости его, похожие на тех добрых людей, которые со слезами

¹ Наши друзья-враги (*франц.*).